

JEL classification: N25, N55, N75

УДК 394(470+510)

DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(4).743-769

А.А. Ширапов

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация*

А.М. Плеханова

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация*

Л.В. Кальмина

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация*

Русско-Китайский банк как инструмент русской восточной экспансии (рубеж XIX–XX вв.)

Аннотация. В статье предпринята попытка определить роль Русско-Китайского банка в усилении русского влияния в одном из регионов цинского Китая — Монголии. Россия, ранее практиковавшая военные и дипломатические методы при включении той или иной территории в зону своего влияния, в конце XIX в. осознала несоответствие прежних способов экспансии требованиям времени. Наиболее привлекательным местом размещения капитала самодержавие считало территорию Цинской империи, находившейся в состоянии политического и экономического кризиса после поражения в Японо-китайской войне 1894–1895 гг. Основным механизмом включения Монголии в орбиту русского влияния стал Русско-Китайский банк, созданный как финансовый посредник России в Азии. Задачи, которые перед ним ставила империя, имели политический характер: Монголия рассматривалась как потенциальный театр военных действий в возможных столкновениях

Ширапов А.А., Плеханова А.М., Кальмина Л.В. Русско-Китайский банк

с Китаем. Цель авторского коллектива — реконструкция процесса развития Россией банковской сети на территории Монголии в условиях промышленного подъема империи на рубеже XIX–XX вв. Анализ документов, отложившихся в фондах Государственного архива Республики Бурятия, и деловой переписки военного губернатора Забайкальской области показал: появление Русско-Китайского банка на финансовом рынке Монголии способствовало развитию русско-монгольских отношений, росту торговой активности и расширению промышленного производства в Монголии и приграничных областях, формированию кредитно-финансовой системы Монголии. Российская банковская структура выполнила и возлагавшиеся на нее политические задачи: в союзе с властными кругами империи она способствовала успеху российской экономической экспансии во Внутренней Азии.

Ключевые слова. Монголия, Западное Забайкалье, Кяхта, Русско-Китайский банк, Государственный банк, Сибирский торговый банк, кредитно-финансовое учреждение, экономическая экспансия, русско-монгольские экономические связи.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

Информация о статье. Дата поступления 10 октября 2022 г.; дата принятия к печати 11 декабря 2022 г.; дата онлайн-размещения 26 декабря 2022 г.

A.A. Shirapov

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, the Russian Federation*

A.M. Plekhanova

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, the Russian Federation*

L.V. Kalmina

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, the Russian Federation*

The Russo-Chinese Bank as an Instrument of Russian Eastward Expansion (at the Turn of the XX Century)

Abstract. The article attempts to define the role of the Russo-Chinese Bank in strengthening Russian influence in one of the regions of Qing China - Mongolia. Russia, which earlier practiced military and diplomatic methods to control territories in the sphere of its influence, in the late 19th century realized that the former ways of expansion did not meet the needs of the time. The Qing Empire, which was in political and economic crisis after its defeat in the First Sino-Japanese War of 1894–1895, was seen by the Tsarist autocracy as the most attractive location for capital. The main mechanism for incorporating Mongolia into the orbit of Russian influence was the Russo-Chinese Bank, which was established as Russia's financial intermediary in Asia. The Russian Empire's goals were political in nature: Mongolia was seen as a potential theatre of military action in a possible clash with China. The aim of this paper is to reconstruct the process of Russia's development of a banking network in Mongolia during the industrial boom of the empire at the turn of the 20th century. The analysis of documents preserved in the funds of the State Archives of the Republic of Buryatia and the business correspondence of the military governor of the Transbaikalian Region showed that the appearance of the Russo-Chinese Bank in the Mongolian financial market contributed to the development of Russia-Mongolia relations, the growth of trade and industrial production in Mongolia and the frontier areas and the making of the credit and financial system of Mongolia. The Russian banking institution also accomplished its political mission of allying with the ruling circles of the empire and facilitating Russian economic expansion in Inner Asia.

Keywords. Mongolia, Western Transbaikalia, Kyakhta, Russo-Chinese Bank, State Bank, Siberian Trade Bank, credit and financial institution, economic expansion, Russia-Mongolia economic ties.

Funding. The study was carried out within the framework of the state assignment, project 'Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socio-Economic and Intercultural Interaction (XVII–XXI centuries)', No. 121031000243-5.

Article info. Received October 10, 2022; accepted December 11, 2022; available online December 26, 2022.

Середина XIX столетия стала временем значительных геополитических и геоэкономических изменений. Промышленная революция начала века вывела на передовые позиции в мировой экономике ряд западных стран – Англию, Францию, а затем Германию и США. Стремительный рост темпов развития промышленности и торговли этих государств требовал все новых и новых источников сырья и рынков сбыта товаров в разных регионах планеты – Азии, Африке и Океании [1, с. 54]. В свою очередь, Цинская империя, некогда занимавшая лидирующие позиции в мировой экономике, все сильнее впадала в состояние стагнации. Ее доля в мировом ВВП снизилась с 33 % в 1820 г. до 23 % в 1850 г. [2, с. 33]. Последовавшее затем поражение Китая в опиумных войнах 1840–1842 гг. и 1856–1860 гг. превратили его из субъекта глобальной геополитической игры в ее объект, что спровоцировало усиление конкурентной борьбы между ведущими европейскими государствами и США за обладание новыми территориями.

«Назло надменному соседу...»

Главным инструментом держав в процессе проникновения в новые регионы Азии и Африки с последующим закреплением их за собой были частные компании и общества. Действовавшие де-юре самостоятельно, фактически они служили проводниками

интересов своих государств, «изобретая» законные в глазах мировой общественности поводы для последующей колонизации интересующих страну территорий. Типичным примером может служить история Вьетнама в XIX в.: воспользовавшись фактом притеснения местными властями католических общин, Франция в 1856 г. начала военное вторжение в страну. В итоге уже в 1862 г. значительная часть Вьетнама находилась под французским протекторатом [3, с. 173].

Деятельность частных юридических лиц в колониях заключалась не только в создании поводов для последующей аннексии. В целях закрепления своего влияния на территории новых протекторатов великие державы «руками» частных компаний возводили объекты инфраструктуры, строили промышленные предприятия, организовывали сбыт товаров, привозимых из метрополии. Так, филиалы Рейнского миссионерского общества в Германской Намибии не только открывали магазины европейских товаров, но и занимались строительством дорог, школ и фабрик [4, с. 80].

Российская империя стала использовать частные компании в качестве инструмента своей зарубежной политико-экономической экспансии достаточно поздно — лишь в 1890-е гг. Ранее основными механизмами самодержавия были военная сила и дипломатия. С утверждением в 1871 г. Германской империи в качестве гегемона на континенте и коллективной позиции европейских держав, резко выступивших на Берлинском конгрессе 1878 г. против усиления России на Балканах, традиционные направления ее внешнеполитической активности были существенно ограничены. После присоединения в 1884 г. Мервского оазиса военная экспансия державы как главный механизм расширения зоны своего влияния за рубежом была практически свернута. Другим способом, активно применявшимся Российской империей для закрепления за собой новых территорий, были дипломатические

соглашения. Именно высокоэффективная деятельность посольской миссии во главе с графом Н.П. Игнатьевым в качестве посредника в переговорах между англо-французским альянсом и властями Цинской империи осенью 1860 г. закрепила за Россией территории Приамурья и обеспечила выгодные торговые соглашения¹.

К началу 1890-х гг. прежние методы уже не могли в полной мере соответствовать потребностям времени. Последнее десятилетие XIX в. стало временем мощного подъема российской экономики: доля страны в мировом промышленном производстве увеличилась вдвое — с 3 до 6 % [5, с. 27]. Потребность в сохранении и возможном увеличении темпов роста отечественной экономики требовала от властей империи новых рынков сбыта за рубежом. Но большинство перспективных регионов в мире были уже заняты. Относительно свободными считались лишь территории Ирана и Китая [6, с. 42].

Наиболее рентабельным местом размещения капитала самодержавие считало территорию Цинской империи, находившейся в состоянии политического и экономического кризиса. Вхождение северных районов Китая в орбиту влияния России являлось составной частью плана правительства по ускоренной модернизации слаборазвитых сибирских и дальневосточных регионов империи. Реализация грандиозных проектов — строительство Транссибирской и Китайско-Восточной железных дорог — должна была связать в единое целое экономические регионы державы и утвердить ее влияние в странах Азиатско-Тихоокеанского региона [7, с. 4-5]. Для достижения этой цели впервые Россия использовала не военные и не дипломатические, а экономические методы. Главная роль по примеру западных держав была отведена частным

¹ Сборник договоров России с Китаем. 1689-1881 гг. СПб.: М-во ин. дел, 1889. С. 159-172.

компаниям, в первую очередь — финансово-кредитным. Основным экономическим инструментом империи за рубежом стал Русско-Китайский банк.

Банк как финансовый посредник России в Азии был создан в 1895 г. при непосредственном участии властных кругов Российской империи и в первую очередь — министра финансов С.Ю. Витте. Уникальность этого кредитно-финансового учреждения заключалась в том, что оно, существуя на государственные деньги, фактически обслуживало частные интересы всесильного министра. Уставный капитал принадлежал банку, но на самом деле им владело Министерство финансов. Такая схема оставляла свободу для маневра, позволяя при определенных условиях объявлять банк частным предприятием, хотя бразды правления оставались в руках государства [8, с. 4, 30].

Благодаря мощной поддержке власти деятельность банка в Цинской империи не была ограничена оказанием кредитно-сберегательных услуг. Согласно положениям Устава он мог заниматься платной транспортировкой и страхованием товаров, выпускать собственные денежные знаки, возводить, покупать и продавать объекты недвижимости². Банк активно проводил собственные торговые операции: при его участии ежегодные поставки китайского чая в Россию составляли около 2 млн пудов [9, с. 91]. Эти преференции он получил от имперского правительства для выполнения своей основной миссии — закрепления российского экономического присутствия в Китае. Банк выступил в качестве одной из сторон в договоре от 26 августа 1896 г., заключенном между Российской и Цинской империями, согласно которому на него возлагались постройка и последующая эксплуатация стратегически важной для России Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) [10, с. 676–677]. Банк и

² Устав Русско-Китайского банка: утв. 10 дек. 1895 г. СПб.: тип. А. Бенке, 1895. С. 11–14.

магистраль стали действенными механизмами российской экспансии в регионе, во многом определяя его экономическую политику. Так, мукомольная промышленность Маньчжурии, снабжавшая весь Дальний Восток, была создана на кредиты, выделяемые местными филиалами банка, а ее продукция бесперебойно вывозилась в Россию по КВЖД [11, с. 110].

Растущий торгово-промышленный сектор требовал увеличения объемов кредитования и доступности финансовых услуг. В результате сеть отделений Русско-Китайского банка в Цинской империи постоянно разрасталась. Если в 1898 г. действовало всего 5 китайских офисов [12, с. 307], то уже в 1901 г. их было 17³. Хотя основные банковские активы (КВЖД, порты и промышленные предприятия) располагались в районах Северного и Центрального Китая, правление банка понимало значимость монгольского направления. К 1901 г. в Монголии были открыты три банковских офиса — в Урге, Улясутае и Калгане.

С начала XVIII в. Монголия выступала в качестве торгового партнера российских купцов. Именно представители монгольской элиты предложили российским властям свою столицу Ургу в качестве центра торговли с Китаем и обещали поддержку русским купцам в Пекине. В дальнейшем российско-монгольские экономические связи развивались стабильно, хотя и медленно. Постепенно росли объемы торговли между двумя странами: если в 1861 г. из Кяхты в Монголию был отправлен 21 караван, то уже на следующий год их число увеличилось до 65. По состоянию на начало 1870-х гг. в Урге действовали 7 русских торговых лавок. Русские торговцы в Монголии были практически единственными представителями иностранного капитала, носителями «цивилизованных» форм торговли, оказывая большое влияние на модернизационные

³ Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1901 г. СПб., 1902. С. 31, 35, 43.

процессы в монгольской экономике [13, с. 144–145]. Однако в целом объем российско-монгольской торговли сильно уступал российско-китайской (табл.).

**Объемы ввоза и вывоза товаров через Кяхту
в 1890-х гг. (тыс. р.)***

Год	Вывезено российских товаров	Ввезено китайских товаров	Ввезено монгольских товаров
1890	3 255	12 000	160
1891	3 452	12 500	150
1893	2 360	13 000	160
1897	1 400	15 000	100
1898	1 500	16 000	240

* Источники: Обзор Забайкальской области за 1890 г. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1891. С. 7; Обзор Забайкальской области за 1891 г. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1892. С. 7; Обзор Забайкальской области за 1893 г. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1892. С. 10-11; Обзор Забайкальской области за 1897 г. Чита: Тип. Торгового дома «П.А. Бадмаев и Ко», 1898. С. 11; Обзор Забайкальской области за 1898 г. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1899. С. 9.

Причина заключалась в том, что длительное время, вплоть до начала XX в., Монголия выступала в качестве транзитного посредника в российско-китайской торговле. Население Монголии было малочисленным, а значит, рассчитывать на солидную клиентуру не приходилось. Она не имела выхода к морю — необходимое условие удешевления транспортных расходов. Чем же объяснить значимость Монголии для России и пристальное внимание к ней руководства Русско-Китайского банка?

В первую очередь тем, что по территории Монголии проходил стратегически важный для самодержавия сухопутный маршрут торговли с Цинской империей. В геополитическом соперничестве Британской и Российской империй он служил своеобразным противовесом господству первой на море и значительному влиянию, которое англичане приобрели в Китае [14,

с. 164]. Для поддержки сухопутной торговли имперские власти в 1861 г. утвердили очень выгодный налоговый тариф на ввоз основного предмета китайского импорта — чая — через Кяхту. Пошлина за один фунт чая, ввозимый в страну морским путем, составляла 60 коп., старым сухопутным — всего 40 копеек⁴.

Вторая причина заключалась в стремлении России включить Монголию в зону своего влияния на случай военных действий с Китаем. С этой целью во второй половине XIX — начале XX в. Генеральный штаб направил ряд специальных экспедиций в Монголию для сбора данных о ее экономическом и людском потенциале [15, с. 35–113]. Интенсивность военных экспедиций в Монголию, планомерность и систематичность ее исследования свидетельствовали о глубоком интересе империи к соседнему региону [16, с. 69]. Собранные сведения легли в основу планов российских властей по увеличению российского политического и экономического присутствия в Монголии.

В отличие от остальной территории Цинской империи, где у банка преобладали экономические интересы, в Монголии он решал в первую очередь задачи политические. Для этого требовалась оценка Китая как потенциального военного соперника и Монголии как возможного театра военных действий в будущих столкновениях с Китаем [16, с. 3, 12]. Проанализировав географические, топографические и климатические свойства Монголии, «величину и природу ее населения», военные агенты пришли к выводу: Монголия «может считаться тем надежным буфером, который обеспечивал нас от спавшего столько столетий Китая и будет ... обеспечивать от Китая проснувшегося и вооружающегося» [17, с. 158].

⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 1 мая «О торговле с Китаем, и о дозволении ввоза Кантонского чая в Империю и Царство Польское». 30 марта 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. II. 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36785. С. 519

Поражение Цинской империи в войне с Японией (1894-1895 гг.) привело к усилению сепаратистских настроений в принадлежащих Китаю регионах, в том числе в Монголии. Военные агенты отмечали, что монголы подвергаются сильной эксплуатации со стороны китайцев и их ставленников, что «не способствует» их преданности «господствующему народу». Из этого следовало, что подчинить их своему влиянию будет несложно [18, с. 119]. Однако российские власти пошли другим путем: удачно распорядившись сложившейся ситуацией, они заключили ряд выгодных соглашений, открывавших путь на внутренний рынок Цинской империи. Кроме того, они сделали ставку на развитие российского торгово-промышленного сектора. В 1890-е гг. вывоз российских товаров составил более 1 млрд 300 млн золотых рублей, что превышало аналогичные показатели предыдущего десятилетия более чем на 130 млн р. [19, с. 27]. Российский экспорт на внешних рынках был преимущественно представлен сельскохозяйственной продукцией. В 1893-1897 гг. удельный вес России в мировой торговле рожью, пшеницей, ячменем и кукурузой составлял 38 % [20, с. 289].

Начавшийся в конце XIX в. подъем экономики ведущих мировых держав привел к росту уровня жизни их населения [21, с. 6], что обусловило повышение спроса на товары народного потребления, а, следовательно, увеличение потребности в сырье. Агропромышленный сектор Российской империи уже не мог удовлетворить растущий спрос. К концу XIX в. отечественное овцеводство перестало обеспечивать в полной мере внутренние потребности, из-за чего замедлились темпы вывоза шерсти за границу и расширился ее ввоз [22, с. 329–330]. Одним из наиболее значимых источников сельскохозяйственного сырья для России стала Монголия.

Таким образом, к началу XX в. совокупность внешнеполитических и экономических факторов привела к

активизации усилий властных кругов Российской империи, направленных на расширение влияния в Монголии. Важную роль в реализации этих планов сыграл Русско-Китайский банк. Он не только оказывал поддержку российским предпринимателям на монгольском рынке, но и создавал в Монголии современную финансово-кредитную систему, что способствовало ее закреплению в орбите влияния Российской империи.

Монгольский импульс

До появления на территории Монголии Русско-Китайского банка ее финансово-кредитная система, находившаяся под полным контролем китайского бизнес-сообщества, была в зачаточном состоянии. К концу XIX в. ряд крупнейших торговых фирм – Дашень-куй и Тянь-и-дэ, Юань Шэн-дэ, Юн Цзи-чэна – являлись монополистами на местном финансовом рынке. Их клиентами были представители монгольской аристократии, зажиточные люди. Деньги были им необходимы не только для поездок в Пекин, приобретения предметов роскоши, но и для уплаты налогов. Ссуды преимущественно выдавались сроком на год и могли быть погашены серебром или скотом. Особенностью кредитных отношений в Монголии была не индивидуальная, а коллективная ответственность перед займодавцем. За полученные в долг деньги или товары расплачивались, как правило, всем населением хошуна, что делало кредитный бизнес китайских торговцев очень прибыльным. Хотя в пределах Цинской империи максимальный размер ссудного процента составлял 36 % годовых, китайские торговцы-банкиры мошенническими действиями могли увеличивать его до 400 % [23, с. 95–97].

На момент появления Русско-Китайского банка на финансовом рынке Монголии там уже действовали кредитные организации, основанные китайскими торговыми домами. Осознавая «китайскую опасность»

для России в монгольском торговом пространстве, ее военные агенты настаивали на немедленном восстановлении экономического влияния России на монголов, для чего предлагали мобилизовать энергичных торговых людей, оказав им широкую правительственную поддержку кредитом и учреждением отделений банков [24, с. 63]. С открытием отделений Русско-Китайского банка, располагавшего развитой сетью филиалов, в Монголии появились условия для ее включения в мировую кредитно-финансовую систему.

Из трех монгольских филиалов банка главным был Ургинский, открывшийся в 1900 г. [25, с. 102]. В Калгане и Улясутае находились небольшие офисы. Формально считаясь отдельным подразделением в структуре учреждения, монгольские филиалы банка фактически подчинялись Иркутскому офису, где разрабатывались и откуда впоследствии рассылались шифровальные ключи для операций с чеками и аккредитивами. Там же принимались отчеты для отправки в головной офис банка в Санкт-Петербурге.

Банк предоставлял монгольским клиентам широкий перечень современных банковских услуг: выдача кредитов под залог векселей и ценных бумаг, прием средств на депозитарные и текущие счета, скупка и продажа драгоценных металлов⁵. Кроме того, в отделениях можно было получить и перевести денежные средства, сдать на хранение свое имущество. Одной из основных статей монгольского экспорта в Россию была шерсть, поэтому в число услуг, предоставляемых офисом в Урге, входила ее обработка на принадлежащих учреждению специальных мойках. Среди клиентов банка помимо русских купцов были представители монгольской аристократии и чиновничества, китайские партнеры, крупные промышленные компании [26, с. 117–118].

⁵ Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1901 г. СПб., 1902. С. 31–34.

Проработав около девяти лет, с 1900 по 1909 гг., Русско-Китайский банк был вынужден закрыть свои монгольские отделения из-за больших убытков, вызванных в основном неудачной банковской политикой и полной несогласованностью действующего банковского устава с условиями функционирования местного рынка [13, с. 149]. Банк вел кредитно-финансовые дела исключительно в серебре, не принимая во внимание особенности денежных отношений в стране, где рассчитывались не только серебром, но также скотом и сыром. Монгольские клиенты банка, привыкшие погашать ссуды продукцией животноводства, оказались в сложном положении. Невозможность своевременного закрытия кредитных обязательств вела к росту задолженности. Кроме того, сотрудники Ургинского отделения плохо владели монгольским языком и письменностью. Это обернулось массовыми случаями мошенничества со стороны клиентов, создав дополнительные убытки [26, с. 121–122].

Несмотря на непродолжительный период деятельности, Русско-Китайский банк оказал положительное влияние на развитие российско-монгольских отношений и экономику приграничных областей. Большую роль сыграло установление тесной связи монгольских отделений с офисами, входившими в Иркутскую группу филиалов, расположенными в Западном Забайкалье. При работе с векселями клиентов монгольское отделение банка ориентировалось на информацию, предоставляемую Верхнеудинским отделением. Ургинское отделение банка регулярно запрашивало и получало списки лиц — владельцев векселей, «протестованные» (проверенные) верхнеудинскими нотариусами. В свою очередь из Монголии в Верхнеудинск отправлялись списки лиц, проверенные консульством Российской империи в Урге [27, с. 210]. Возможность свободного вексельного оборота позволила купцам из Западного Забайкалья активизировать свою деятельность на тер-

ритории Монголии. Если в 1902 г. через Кяхту было ввезено монгольских товаров на сумму 143 тыс. р.⁶, то уже в 1908 г. этот показатель превысил 2 млн р.⁷

Рост торговли с Монголией придал импульс развитию промышленности Западного Забайкалья. В 1903 г. в регионе насчитывалось 76 фабрик и заводов, где трудились 672 рабочих. Объем выпускаемой продукции составлял чуть более 900 тыс. р.⁸ В 1911 г. в Западном Забайкалье функционировали уже 556 предприятий. Большая их часть была скромных размеров, полукустарного типа, но на них трудились уже 3 034 рабочих, а объем выпускаемой продукции составлял 2 млн 700 тыс. р. При этом особенно заметен рост сектора, занятого обработкой «животных продуктов» (шерсти, кож, жиров и т.д.). На 76 таких предприятиях с 478 рабочими было произведено продукции на 659 тыс. р.⁹ Вероятно, приток дешевого монгольского сырья значительно повлиял на результат.

Открытие для предпринимателей кредитной линии способствовало их торговой активности. Поскольку основной денежной единицей в Монголии являлся серебряный слиток, в стране ощущался высокий спрос на серебро. Русско-Китайский банк через Министерство финансов способствовал его транспортировке через границу, причем в очень серьезных объемах. Только в апреле 1906 г. в Монголию была отправлена партия весом свыше 100 пудов серебра¹⁰. Банк оказывал содействие в проведении данной операции

⁶ Обзор Забайкальской области за 1902 г. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1903. С. 52.

⁷ Обзор Забайкальской области за 1908 г. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1909. С. 41.

⁸ Обзор Забайкальской области за 1903 г. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1904. С. 54.

⁹ Обзор Забайкальской области за 1911 г. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1915. С. 44.

¹⁰ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 102. Оп. 1. Д. 259. Л. 14.

не только российским предпринимателям, но и зарубежным партнерам. В 1901 г. сотрудники Кяхтинского офиса приняли и переправили через границу партию драгоценного металла, принадлежащего банку Лионский кредит, — одному из крупнейших французских кредитно-финансовых учреждений¹¹.

Благодаря услугам банка торговые отношения России и Монголии вышли на качественно новый уровень: в 1909 г. доля монгольского экспорта в общероссийском импорте составила 12,1 % невыделанных кож, 13 % шерсти, 34,2 % пушнины, 10,5 % крупного рогатого скота и 10,8 % лошадей¹².

Русско-Китайский банк оказал значительное влияние на становление и дальнейшее развитие горнодобывающей промышленности на территории Монголии. Одним из главных клиентов банка в регионе стало созданное в 1900 г. акционерное общество рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков Монголии (Монголор) — фактически первое в истории страны крупное промышленное предприятие. Покровительство властных кругов империи позволило банку свободно ввозить на территорию Монголии все необходимые для работы машины, инструменты и снаряжение. Летом 1900 г. банк доставил в Кяхту для Монголора более 12 тыс. пудов оборудования, закупленного в Америке¹³. В дальнейшем он продолжил поставки инвентаря, механизмов и продовольствия для Монголора. Добытое золото компания сдавала в Ургинское отделение банка, которое впоследствии отправляло его в Россию. С помощью Русско-Китайского банка Монголор развернул достаточно успешную деятельность, сумев извлечь к 1918 г. из недр Монголии около 10 т драгоценного металла [28, с. 144].

¹¹ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.

¹² Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1912. С. 12.

¹³ ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

С закрытием в 1910 г. монгольских отделений Русско-Китайского банка деятельность российских кредитно-финансовых организаций в Монголии на некоторое время была приостановлена. Новый этап в истории русско-монгольского финансового сотрудничества начался после Синьхайской революции, которая привела к падению Цинской империи. Монголия, ранее входившая в ее состав, в конце 1911 г. декларировала свой суверенитет. В качестве главного зарубежного партнера и союзника монгольские власти рассматривали Россию, куда были направлены предложения о возможном сотрудничестве. Правительство Российской империи быстро отреагировало на просьбу монгольских посланников, и уже в августе 1912 г. в страну были направлены русские дипломаты. Итогом переговоров стало заключение осенью 1912 г. «Соглашения о дружбе между Россией и Монголией». Российская империя выступала гарантом суверенитета Монголии, обязуясь защищать ее от военной агрессии, в первую очередь со стороны Китая. Со своей стороны монгольское правительство предоставляло русским подданным преференции в свободе передвижения, торговле и предпринимательской деятельности. В частности, они получали право заключать любые виды контрактов, беспощинно импортировать и экспортировать товары, а также создавать банковские организации [29, с. 129–131].

Правительство Российской империи прекрасно сознавало перспективы создания подконтрольной ему кредитно-финансовой системы Монголии. Сложная международная обстановка делала невозможным использование в качестве главного инструмента Государственного банка, поэтому было решено консолидировать усилия государственного и частного финансовых капиталов. В марте 1914 г. в Кяхте было открыто отделение Государственного банка¹⁴. К этому времени

¹⁴ ГАРБ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 23. Л. 96.

здесь уже успешно действовали филиал Русско-Азиатского банка (1898 г.) [12, с. 307] и местное общество взаимного кредита (1913 г.)¹⁵. Появление нового кредитного института было обусловлено закрепленным в его Уставе правом предоставлять заемный капитал частным коммерческим банкам [30, с. 127]. В результате созданное в Кяхте отделение Государственного банка Российской империи выступило источником средств для создаваемого монгольского кредитного института. Уполномоченный в Монголии И.Я. Коростовец в своем дневнике писал: «Что касается устройства банка в Монголии, то Коковцов (Председатель Совета министров и Министр финансов Российской империи. — *Авт.*) предложил, чтобы это дело было поручено какому-нибудь частному банку, который вел бы операции за счет Государственного. По всем вероятностям, в Монголии будет орудовать Сибирский банк. Предполагается, что доверенный банка в Урге будет вместе с тем финансовым советником при монгольском правительстве» [25, с. 332]. В определенной степени он просчитал ситуацию: хотя «дело поручили» Государственному банку, Сибирский торговый банк выступил в роли наставника, поделившегося практическим опытом создания кредитно-финансового учреждения.

В 1915 г. Монгольский Национальный банк начал свою работу. Кроме головного, Ургинского, офиса, были созданы агентства в Улясутае, Кобдо, Улангоме, Тарятах, Дзаин-Шаби и Гоби-Тушету-ване. Главную свою задачу руководство банка видело в «насыщении Монголии через посредство русских купцов нужными населению товарами». Банк выдавал кредиты и принимал вклады, проводил операции по приему-отправке денежных средств клиентов. В 1915 г. из России в Монголию было переведено 2 378 тыс. р., в 1916 г. — 7 831 тыс. р., в

¹⁵ ГАРБ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

1917 г. — 9 205 тыс. р. Годовой учет векселей у монгольских клиентов банка составлял около 600 тыс. р., у русских — 150 тыс. р. Кредитование производилось из расчета 12 % годовых, сроком не менее, чем на год. Размер займа был ограничен 20 тыс. р. [13, с. 162].

Еще одной сферой деятельности банка было участие в обеспечении работы почтовых станций на территории Монголии. Первые русские почтовые станции появились там в 1860 г. благодаря усилиям купцов, испытывавших необходимость в стабильно действующем механизме отправки и получения различной документации. С 1870 г. эта сеть станций, ставшая государственной, включала в себя офисы, располагавшиеся по маршруту Кяхта — Урга — Калган — Пекин — Тяньцзинь. К 1915 г. в Монголии помимо Урги почтовые станции находились в Улясутае, Кобдо, Дзаин-Шаби, Хатхыл и Шарасумэ [31, с. 93-94]. По своему правовому статусу сотрудники станций являлись государственными служащими, оплата труда которых находилась в ведении Российской империи. Предположительно механизм доставки денег для выплаты жалования сотрудникам в Монголии выглядел следующим образом: Кяхтинское отделение Государственного банка отправляло наличность в Национальный банк в Урге, откуда суммы распределялись по станциям. Эта система стабильно действовала вплоть до революционных событий, с началом которых работа курьерской службы банка стала давать сбои. Так, в сентябре 1918 г. служащие Монгольского Национального банка направили в Кяхту телеграмму с просьбой о скорейшей отправке им «серебра и кредитных билетов» для выплаты заработной платы служащим почтовых станций¹⁶. Позднее сотрудники банка и почты были вынуждены совместно обратиться к одному из монгольских князей, чтобы обеспечить платную охрану своих курьерских экипажей¹⁷.

¹⁶ ГАРБ. Ф. 222. Оп. 2. Д. 57. Л. 86.

¹⁷ Там же. Л. 62, 63 об., 64, 64 об., 65.

Коллапс финансового сектора Российской империи во время Первой мировой войны не дал отечественным финансово-кредитным компаниям возможности полностью раскрыть свой потенциал в Монголии. Тем не менее, российские государственные и частные кредитные организации сыграли важную роль в развитии российско-монгольских отношений. Находясь под влиянием геополитической ситуации, русские банки — Русско-Китайский (Азиатский), Сибирский торговый и Государственный — смогли совместными усилиями повлиять на политико-экономическую обстановку в регионе. Их деятельность обеспечила рост объемов взаимной торговли, содействовала созданию основ добывающей промышленности Монголии и формированию ее кредитно-финансового сектора. Именно банковские структуры в союзе с властными кругами империи в значительной степени способствовали успеху российской экономической экспансии в странах Внутренней Азии, в том числе Монголии.

Список использованной литературы

1. Горелов А.А. От мировой колониальной системы до глобального неокOLONIALИЗМА / А.А. Горелов. — EDN SXDHNF // Век глобализации. — 2014. — № 2. — С. 42–64.
2. Ованнисян А.Ю. «Нанкинский договор» как предвестник развала Цинской империи / А.Ю. Ованнисян. — EDN YJACNF // Регион и мир. — 2018. — Т. 9, № 3. — С. 32–36.
3. Мурашева Г.Ф. Политика в отношении католиков при императоре Ты Дыке (1848–1883) во Вьетнаме / Г.Ф. Мурашева. — EDN SVVDWT // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2014. — № 22. — С. 167–184.
4. Буталий С.В. Деятельность немецких христианских миссий в Юго-Западной Африке и трансформация местных обществ. (1842–1914 гг.) / С.В. Буталий. — EDN JVWOAX // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — Вып. 82-1. — С. 78–84.
5. Кучинский Ю. Очерки по истории мирового хозяйства / Ю. Кучинский. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1954. — 191 с.

6. Золотарева В.П. Российская империя как экспортер капиталов (II половина XIX — начало XX вв.) / В.П. Золотарева. — EDN ZAPEPZ // Горизонты экономики. — 2017. — № 3. — С. 42–49.

7. Романов Б.А. Россия в Манчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма / Б.А. Романов. — Ленинград : Изд-во ЛВИ им. А.С. Енукидзе, 1928. — 631 с.

8. Курас Л.В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX — XX вв. / Л.В. Курас, Л.В. Кальмина, А.В. Михалев. — Иркутск : Оттиск, 2018. — 112 с.

9. Вахромеева О.Б. Русско-Китайский банк (1896–1910 гг.) как институт посредничества между Россией и Китаем / О.Б. Вахромеева. — EDN UAQLWP // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 7-1. — С. 88–92.

10. Романова Г.Н. Российские инвестиции и предпринимательство как внешний фактор модернизации Северо-Восточного Китая (рубеж XIX–XX вв.) / Г.Н. Романова. — EDN YUFBWN // Общество и государство в Китае. — 2017. — Т. 47, № 1. — С. 675–684.

11. Ма Юцзунь. Предпринимательство русских купцов и промышленников в Маньчжурии. Конец XIX — начало XX вв. / Юцзунь Ма. — EDN KEZYPV // Россия и АТР. — 2009. — № 1. — С. 109–118.

12. Яго Казухико. Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии / Яго Казухико. — EDN YJCDPB // Экономическая история: ежегодник. — 2012. — Т. 2011–2012. — С. 293–314.

13. Старцев А.В. Организация и инфраструктура русской торговли в Монголии во второй половине XIX — начале XX века / А.В. Старцев. — EDN TYXKBH // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура) : сб. науч. тр. — Иркутск, 2015. — Т. 4. — С. 143–180.

14. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. — Санкт-Петербург : Нестор История, 2008. — 668 с.

15. Бойкова Е.В. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX века) / Е.В. Бойкова. — Москва : ИВ РАН, 2014. — 264 с.

16. Кузьмин Ю.В. Монголия и Китай начала XX в века в оценках российской военной разведки / Ю.В. Кузьмин. — Улан-Батор, 2007. — 161 с.

17. Кальмина Л.В. На случай войны с «заключенным другом» (проекты «китайской политики России в донесениях военных агентов на рубеже XIX–XX вв.) / Л.В. Кальмина, Л.В. Курас. — DOI 10.17223/15617793/456/18. — EDN YTECRT // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 456. — С. 152–161.
18. Кальмина Л.В. Монгольский мотив в экономической политике самодержавия в Забайкалье в 1910-е гг. / Л.В. Кальмина. — EDN VZMPBF // Россия и Монголия : история, дипломатия, экономика, наука. — Иркутск, 2016. — Кн. 6. — С. 118–123.
19. Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование / С.Р. Томпстон. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 471 с.
20. Чистяков Ю.Ф. Продовольственный экспорт Российской империи в XIX — начале XX вв. и социально-экономическое развитие страны: уроки для современной России / Ю.Ф. Чистяков. — EDN TPXSTZ // Российское предпринимательство. — 2015. — Т. 16, № 2. — С. 287–300.
21. Лихачев М.О. Глобализация и первая мировая война: крах первой модели глобальной экономики / М.О. Лихачев. — EDN TBDDFN // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. — 2014. — № 4. — С. 5–15.
22. Островский А.В. Животноводство Европейской России в конце XIX–начале XX в. / А.В. Островский. — Санкт-Петербург, 2014. — 442 с.
23. Горькова С.В. Кредитно-финансовая система Монголии (конец XIX — начало XX вв.) / С.В. Горькова. — EDN MTCRON // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2008. — № 1. — С. 93–102.
24. Кальмина Л.В. «Монгольский вопрос» глазами российского военного агента / Л.В. Кальмина. — EDN CLHGKM // Приграничный район в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. — Чита, 2019. — Ч. 1. — С. 61–64.
25. Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912–май 1913 г. / И.Я. Коростовец. — Улаанбаатар : Адмон 2009. — 440 с.
26. Плеханова А.М. Ургинское отделение Русско-Китайского банка (1900–1910 гг.): недлинная история / А.М. Плеханова, А.А. Ширапов. — DOI 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi30. — EDN JULISA // Вопросы истории. — 2020. — № 10-2. — С. 115–125.

27. Плеханова А.М. Верхнеудинское отделение Русско-Китайского банка: направления, специфика и результаты деятельности в условиях трансграничья / А.М. Плеханова, А.А. Ширапов. — DOI 10.31171/vlast.v27i3.6446. — EDN ZYILKX // Власть. — 2019. — Т. 27, № 3. — С. 206–211.

28. Фурман Е.Л. Страницы истории Акционерного общества рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии в начале XX в. («Монголор») / Е.Л. Фурман. — EDN YLPIFY // Экономика и гуманитарные исследования: проблемы, тенденции, достижения : материалы II международного науч.-практ. конф. — Новосибирск, 2017. — С. 137–144.

29. Батсайхан О. Монголо-русский договор о дружбе 1912 г. и И.Я. Коростовец / О. Батсайхан. — EDN TRKEMR // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2012. — № 1. — С. 126–139.

30. Намидов А.О. Банковская система Российской империи в период 1900–1917 годов / А.О. Намидов. — EDN UBEOMD // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2015. — № 1. — С. 126–130.

31. Блануца В.И. Идентификация краевых эффектов в расширяющейся информационно-коммуникационной сети (на примере проникновения русской почты в Китай и Монголию в 1870–1924 гг.) / В.И. Блануца. — EDN YTFWKP // Известия Русского географического общества. — 2018. — Т. 150, № 2. — С. 89–99.

References

1. Gorelov A.A. From the World Colonial System to Global Neocolonialism. *Vek Globalizatsii*, 2014, no. 2, pp. 42–64. (In Russian). EDN: SXDHNF.

2. Ovannisyan A.Yu. "The Treaty of Nanjing" as a Harbinger of the Qing Empire's Dissolution. *Region i mir = Region and the World*, 2018, vol. 9, no. pp. 32–36. (In Russian). EDN: YJACNF.

3. Murasheva G.F. Policies towards Catholics under Emperor Tu Duc (1848–1883) in Vietnam. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya = South East Asia: Actual Problems of Development*, 2014, no. 22, pp. 167–184. (In Russian). EDN: SVVDWT.

4. Butalii S.V. The Activities of German Christian Missions in South-West Africa and the Transformation of Local Societies. (1842–1914). *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2008, iss. 82-1, pp. 78–84. (In Russian). EDN: JWWOAX.

5. Kuchinskii Yu. *Essays on the History of the World Economy*. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1954, 191 p.

6. Zolotareva V.P. The Russian Empire as an Exporter of Capital (Second Half of XIX — Beginning of XX Centuries). *Gorizonty ekonomiki* = *Horizons of economics*, 2017, no. 3, pp. 42–49. (In Russian). EDN: ZAPEPZ.

7. Romanov B.A. *Russia in Manchuria (1892-1906). Essays on the History of the Foreign Policy of the Autocracy in the Epoch of Imperialism*. Leningrad Oriental Institute named after A.S. Enukidze Publ., 1928, 631 p.

8. Kuras L.V., Kal'mina L.V., Mikhalev A.V. *Captains of Russian Oriental Policy: The Turn of the XX century*. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018, 112 p.

9. Vakhromeeva O.B. The Russo-Chinese Bank (1896-1910) As an Institution of Mediation between Russia and China. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = *Actual Problems in Humanities and Natural Sciences*, 2015, no. 7-1, pp. 88–92. (In Russian). EDN: UAQLWP.

10. Romanova G.N. The Russian Investments and Business as the External Factor of Modernizations of the North-Eastern China (On the Verge of XIX-XX cc.). *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* = *Society and State in China*, 2017, vol. 47, no. 1, pp. 675–684. (In Russian). EDN: YUFBWH.

11. Ma Yutszun' Business Undertakings of the Russian Merchants and Industrialists in Manchuria. The End of the XIXth — the Early XXth cc. *Rossiya i ATR* = *Russia and the Pacific*, 2009, no. 1, pp. 109–118. (In Russian). EDN: KEZYPV.

12. Yago Kazuhiko. The Russo-Chinese Bank (1896-1910): International Financial Intermediary in Russia and Asia. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. = *Economic History: a Yearbook*, 2012, vol. 2011-2012, pp. 293–314. (In Russian). EDN: YJCDPB.

13. Startsev A.V. Organization and Infrastructure of Russian Trade in Mongolia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. *Russia and Mongolia: a New Look at History (Diplomacy, Economy, Culture)*. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2015, pp. 143–180. (In Russian). EDN: TYXKBH.

14. Lukoyanov I.V. "Keeping up with the Powers...". *Russia in the Far East in the Late 19th and Early 20th Centuries*. Saint-Petersburg, Nestor Istoriya Publ., 2008, 668 p.

15. Boikova E.V. *Russian Military Researchers of Mongolia (Second Half of the 19th - Early 20th Centuries)*. Moscow, IV RAN Publ., 2014, 264 p.

16. Kuzmin Yu.V. *Mongolia and Early Twentieth-Century China as Assessed by Russian Military Intelligence*. Ulan-Bator, 2007, 161 p.

17. Kalmina L.V., Kuras L.V. In Case of War With a Sworn Friend (Russia's Chinese Political Projects in the Military Agents' Reports at the Turn of the 20th Century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 456, pp. 152-161. (In Russian). EDN: YTECRT. DOI: 10.17223/15617793/456/18.

18. Kalmina L.V. Mongolian Aspect in Tsarist Economic Policy in Transbaikal Region. *Russia and Mongolia: History, Diplomacy, Economy, Science*. Irkutsk, 2016, bk. 6, pp. 118-123. (In Russian). EDN: VZMPBF.

19. Thompson S.R. *Russian Foreign Trade of XIX – early XX Century: Organization and Financing*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 471 p.

20. Chistyakov Yu.F. Food Export of Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries and Socio-Economic Development of the Country: Lessons for Modern Russia. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*, 2015, vol. 16, no. 2, pp. 287-300. (In Russian). EDN: TPXSTZ.

21. Likhachev M.O. Globalization and World War I: Collapse of the First Model of the Global Economy. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya = Sholokhov Moscow State University. History and Political Science*, 2014, no. 4, pp. 5-15. (In Russian). EDN: TBDDFN.

22. Ostrovskii A.V. *Animal Husbandry in European Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries*. Saint-Petersburg, 2014, 442 p.

23. Gorkova S.V. Mongolian's Credit and Financial System (Late 19th and Early 20th Centuries). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2008, no. 1, pp. 93-102). (In Russian). EDN: MTCPOH.

24. Kalmina L.V. "Mongolian Issue" Russian Military Agent's Point of View. Border Region in Historical Development: Partnership and Cooperation. *Materials of International Scientific and Practical Conference*. Chita, 2019, pt. 1, pp. 61-64. (In Russian). EDN: CLHGKM.

25. Korostovets I.Ya. *Nine Months in Mongolia. Diary of the Russian Commissioner in Mongolia. August, 1912 – May, 1913*. Ulaanbaatar, Admon Publ., 2009, 440 p.

26. Plekhanova A.M., Shirapov A.A. The Urginsky Branch of the Russo-Chinese Bank (1900-1910) : Short Story. *Voprosy istorii = Issues of History*, 2020, no. 10-2, pp. 115-125. (In Russian). EDN: JULJSA. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi30.

27. Plekhanova A.M., Shirapov A.A. Verkhneudinsk Branch of the Russo-Chinese Bank: Directions, Specificity and Results of Activities in Conditions of Transboundary Area. *Vlast'*, 2019, vol. 27, no. 3, pp. 206-211. (In Russian). EDN: ZYILKX. DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6446.

28. Furman E.L. Pages of History of the Tushetukhan and Tsezenkhan Aimaks Joint Stock Company of Ore Mining in Mongolia at the Beginning of 20th Century ("Mongolor"). *Economics and Humanities Studies: Problems, Trends, Achievements. Materials of the II International Scientific and Practical Conference*. Novosibirsk, 2017, pp. 137–144. (In Russian). EDN YLPIFY.

29. Batsaikhan O. Mongol-Russian Agreement About Friendship 1912 y. and I.Y. Korostovets. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii = Bulletin of the Buryat State University. Human Research of Inner Asia*, 2012, no. 1, pp. 126–139. (In Russian). EDN: TRKEMR.

30. Namidov A.O. The Banking System of the Russian Empire in the Period of 1900–1917 Years. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata = Scientific works of the Russian Academy of advocacy and notary*, 2015, no. 1, pp. 126–130. (In Russian). EDN: UBEOMD.

31. Blanutsa V.I. Identification of Border Effects in Expanding Information and Communication Network (On the Example of the Russian Mail's Penetration Into China and Mongolia, 1870–1924). *Izvestiya russkogo geograficheskogo obshchestva = Proceedings of the Russian Geographical Society*, 2018, vol. 150, no. 2, pp. 89–99. (In Russian). EDN: YTFWKP.

Информация об авторах

Ширапов Алдар Амаголович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Российская Федерация; e-mail: agmaren@mail.ru. 0000-0002-5910-3501; SPIN-код: 7753-5773; Author ID: 1097688.

Плеханова Анна Максимовна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Российская Федерация; e-mail: plehanova.am@mail.ru. 0000-0002-6573-4262; SPIN-код: 4424-0923; Author ID: 536936; WoS Researcher ID: AAQ-2625-2020.

Кальмина Лилия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Российская Федерация; e-mail:

kalminal@gmail.com. 0000-0001-8577-2496; SPIN-код: 6526-3264; Author ID: 336139; WoS Researcher ID: AAC-2130-2021.

Authors

Aldar A. Shirapov — Ph.D. in History, Junior Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, the Russian Federation; e-mail: agmaren@mail.ru. 0000-0002-5910-3501; SPIN-Code: 7753-5773; Author ID: 1097688.

Anna M. Plekhanova — D.Sc. in History, Associate Professor, Leading Scientific Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, the Russian Federation, e-mail: plekhanova.am@mail.ru. 0000-0002-6573-4262; SPIN-Code: 4424-0923; Author ID: 536936; WoS Researcher ID: AAQ-2625-2020.

Lilia V. Kalmina — D.Sc. in History, Associate Professor, Leading Scientific Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, the Russian Federation, e-mail: kalminal@gmail.com. 0000-0001-8577-2496; SPIN-код: 6526-3264; Author ID: 336139; WoS Researcher ID: AAC-2130-2021.

Для цитирования

Ширапов А.А. Русско-Китайский банк как инструмент российской восточной экспансии (рубеж XIX–XX вв.) / А.А. Ширапов, А.М. Плеханова, Л.В. Кальмина. — DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(4).743-769 // Историко-экономические исследования. — 2022. — Т. 23, № 4. — С. 743–769.

For Citation

Shirapov A.A., Plekhanova A.M., Kalmina L.V. The Russo-Chinese Bank as an Instrument of Russian Eastward Expansion (at the Turn of the XX Century). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2022, vol. 23, no. 4, pp. 743–769. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(4).743-769.